

Шмидт Альвинус

Шмидт Альвинус (Schmidt, Alwinus) родился в 1940 в столице Белоруссии, городе Минске, в большой семье поволжских немцев. Во время войны семья Шмидт оказалась в Германии, после войны все были репатриированы и отправлены в Сибирь, где их ждали голод, холод, нищета и унижения.

В Сибири Альвинус получил семилетнее образование, приобрёл много рабочих профессий. Работал путейцем, рабочим-строителем, трактористом, укладчиком асфальта, бульдозеристом, монтажником, слесарем, каменщиком и бригадиром бригады каменщиков. Служил в Советской Армии в ракетных войсках в звании сержанта. Продолжил образование в Киргизии и Эстонии. Обучался во Фрунзенском техникуме лёгкой промышленности, в 1973 году закончил Таллиннский политехникум по специальности «Промышленное и гражданское строительство».

С 1976 года проживает в Германии. В настоящее время на пенсии. С детства любит литературу, поэзию. В настоящее время увлекается генеалогией, изучением истории своего рода. Появилась потребность в написании воспоминаний. В 2013 году вышла первая его книга, «Память сердца». Но память не молчит. Воспоминания приходят снова.

Тайга – кормилица наша

Сколько семей российских немцев оказались волею судьбы на сибирских просторах! И чаще – не добровольно, а принудительно. Там, среди тайги,

началась борьба за жизнь, за выживание. Боролись с холодом, с нищетой, с голодом – верным спутником нищеты. Сколько бы времени ни минуло, картинки из той поры постоянно всплывают в моей памяти. Одни вызывают улыбку, другие – ком в горле. Вот очередная картинка, а вместе с ней и размышления. О нас, о жизни нашей.

После репатриации в 1945 году судьба забросила нашу семью в Иркутскую область, Тайшетский район, деревню Пишет – ей суждено было стать последним местожительством перед снятием комендатуры. Как ни горька была жизнь в Пишете, но человек, приспособиваясь к новым условиям, получает от жизни и какие-то новые познания, приобретает необходимые навыки. Так было со всеми нами. Так было со мной, восьмилетним мальчишкой.

Здесь, в деревне Пишет, я получил первые знания о природе, первые навыки по собиранию ягод и грибов, по ориентированию в лесу – в настоящей тайге!

Ягодная пора начиналась с весны – поисками лесной земляники – и заканчивалась осенью, походами по бруснику и клюкву. Как только появлялись первые проталины от снега, ходили собирать черемшу. Это было легче всего: ещё не нашел черемшу, но знаешь заранее, куда тебе идти надо – такой сильный запах шёл от неё. За версту учуешь. А как попал на поляну, так на коленочки встаёшь и срезаешь ножичком или срываешь листья до земли. Пока наши сумки не были полны, мы и не думали возвращаться. С виду листья черемши очень похожи на листья ландыша, которые, однако, очень ядовиты, что мы отлично знали. Цветы ландыша мы собирали чуть позже, когда сбор урожая черемши заканчивался. А заканчивался он, когда всё поле становилось белым – черемша зацветала. Цветущую не рвали: надо ведь было думать и о завтрашнем дне, дать растению возможность размножиться.

Всё собранное в тайге: черемшу, цветы, ягоды, грибы – на следующий же день относилось на базар, который находился примерно в 15 км от нашей деревни. После продажи на вырученные деньги покупали в ларьках хлеб, иногда сахар, крупу, вермишель или макароны. Всё это тащили на своих хрупких плечиках домой. На рынок – с грузом, домой – тоже с грузом, и всё это проделывали восьми-десятилетние мальчишки, без которых дома работающие умерли бы с голоду. Ведь нашим старшим братьям и сёстрам приходилось трудиться в колхозе за палочки (трудодни), на которые только в конце года должны были выдать зерно (если, конечно, что-то оставалось после плановой сдачи государству). Нередко этого зерна хватало только на

следующий весенний посев. А то, что колхозники не получают зерна на заработанные ими трудодни, не интересовало никого. Вот мы, детвора, и были кормильцами взрослых. Такова была участь детей российских немцев, сосланных в глухие места Сибири, Севера и Урала.

А память вновь возвращает меня в тайгу, где все тропки были нами исхожены. Теперь наступало время крапивы и лебеды. Из них мама варила разные супы, а точнее – похлёбку. В конце лета собирали шиповник, сушили его, зимой им лечились от всяческих недугов, в основном, от простуды и поноса. Сушёную ягоду брали в рот и сосали, как конфетку. Других-то сладостей мы и не знали. Ну и, конечно же, чай из шиповника – ведь в нём так много разных витаминов и минералов! Плоды крупные, мясистые, ярко-красные или оранжевые, собираешь их – и некогда обращать внимание на кровоточащие уколы шипов, главное – быстрее наполнить своё ведёрко и – домой.

Сегодняшние дети не знают никаких забот, мы же думали, как выжить, как не пропасть с голоду. И тайга нам помогала. Вот уж и черника поспела. Тоже ягода полезная. Её нам приходилось собирать, к нашему огромному сожалению, как раз в то время, когда особенно кусачими, активными были комары. Их самкам, чтобы продолжить род, нужна кровь. Мы собирали чернику, отбиваясь от комаров; проклинали и мошку. Поляны с черникой находились далеко от деревни, в глубокой тайге. Тайга, как известно, очень коварная – легко можно заблудиться. Но у нас был свой компас – голова. Запоминали, в каком направлении заходим в лес. Определялись по деревьям, по солнцу. На стволе дерева с северной стороны растёт мох, а с южной его нет; с южной же стороны всегда больше сучков, чем с северной.

Чернику мы ели сырую, и вареники из черники мама стряпала. Очень вкусные вареники из черники. Сушили ягоду и на зиму – хорошее средство от простуды и поноса. А какое объедение – черничное варенье! Но основную массу собранной ягоды продавали на базаре.

Была ещё ягода голубица (так мы её называли), а какое у неё правильное название – я не знаю. Может, голубика? Растёт она на кустарниках в полметра высотой, очень похожа на чернику видом, и листочки такие же, только кустики черники коротенькие, сантиметров 15-20 высотой. Ягода такая же и цветом, и видом, только крупнее и не такая сладкая. Если попадаешь на поляну с голубицей, быстро начинает болеть голова и появляются галлюцинации – исходит от кустов голубики или от рядом растущих нам не знакомых кустов какой-то дурманящий запах. Поэтому мы

старались побыстрее покинуть такие поляны и уходили искать чернику. Часто бывало, что черника и голубика росли на одном месте, и тут уже выбора не было: мы оставались, приготовившись перетерпеть неизбежную головную боль. Сбор голубицы шёл быстро, так как она крупнее черники, да и не надо ползать на коленях: рвали её стоя.

Бруснику собирали мы очень охотно, а было её видимо-невидимо. Хотя растёт, а вернее, стелется эта ягода по земле и собираешь её, как чернику, на коленях, но это – одно удовольствие. Во-первых, брусника не мнётся в руках. Во-вторых, растёт она гроздьями на веточках. Рукойхватишь гроздь, потянешь на себя – и горсть полна ягодок. Местное население засыпало бруснику и клюкву в кадки, заливало её на зиму холодной водой. И мы тоже научились так делать. Конечно, всё это зимой замерзало, но доставали ягоды из кадки свеженькими.

Легко и быстро собирали рябину. Её тоже замораживали на зиму. Все перечисленные ягоды спасали нас от полной дистрофии. Но я ещё не про все ягоды рассказал – как же мог я не назвать в первую очередь малину и землянику! Ведь они вкусны, как никакие, но главное, о чём мы всегда помнили, – отличное средство при простуде. У малины шли в дело и листья: их сушили, и зимой получался чай превосходный. Варенье варили из всех ягод.

Черёмуха использовалась и в сыром, и в сушёном, и в молотом виде. Отличное вяжущее средство. Так как нас, детей, в семье было много, так получалось, что всегда кто-нибудь чем-нибудь да болел. Вот такими таёжно-ягодными средствами мама нас и лечила. Впрочем, мы и сами уже знали, когда какую ягодку или травку принимать надо. Смородина чёрная – ещё один кандидат в лекари с огромным количеством витамина С. А ведь есть ещё красная смородина... Да всех даров тайги и не перечислишь! Как я уже упомянул, свежую ягоду мы носили на рынок за 15 км и на вырученные деньги покупали хлеб, сахар, крупу и т. д. Вот и получается, что эти дары таёжные спасали нас не только от недугов, но и, в первую очередь, от голода. Ведь без хлеба голода не одолеешь.

А как же не рассказать про грибы! Тайга давала их нам в изобилии. Особо богатой была она в наших краях на белые грибы. Называли их местные жители ласково – «боровики». Росли боровики в избранных местах. Посмотришь – в грибной семье еще много маленьких, значит, срезать нельзя. Оставляешь их «на потом», на завтра. Запоминаешь это место и навещаешь его периодически. Так же обращались мы и с лисичками. Они ведь тоже

живут семьями. Белый гриб и лисички мама жарила свежими. А вот грузди засаливали в кадках на зиму.

Вот такая она, ТАЙГА!!!

Разная... Может быть коварной, опасной и мстительной. Надо знать и блюсти её законы. Сколько людей пропало в тайге навсегда, навечно. Бывало, как «закрутит» – и ходишь по кругу, сам того не замечая. Такое бывало и с нами в начале знакомства с тайгой. Потом мы с ней сдружились, бережно с ней обращались, и она дарила за это свои сокровища. Я не ошибся: не просто дары, сокровища! Как иначе назовёшь то, что спасает от верной гибели? Тайга, родная тайга, именно ты стала нашей кормилицей. Ничего не жалела для большой семьи Шмидт. По всем законам природы условия, в которых пришлось выживать моей семье, порождали серьезные простудные или кишечные заболевания, но... мы болели редко, редко и кашляли, а ведь жили впроголодь, ходили босыми да раздетыми, так как нечего было ни обуть, ни надеть. Теперь я знаю – кто и что нас, кроме Бога, хранило и оберегало. Потому скажу так: Спасибо тебе, Господь наш! Спасибо и тебе, матушка тайга, ты моей семье и мне жизнь спасла да здоровье подарила!!! Да разве только нам? Всем российским немцам, кто лишился дома, лишился родины. Ты, безмолвная тайга, нас спасала в тяжёлую годину наших скитаний. Как забыть тебя и твою щедрость? Я помнить тебя буду всегда, потому и решил рассказать о тебе – пусть и дети мои, и внуки мои знают, как досталась нам жизнь, какую ценой. И что в этой борьбе за жизнь была ты, наша тайга.

Январь 2014 года

Я вспомнил годы школьные

Память опять вернула меня в прошлое. На этот раз вспомнились школьные годы. Воспоминания подтолкнули к разного рода размышлениям, например, к такому – свойственна ли российским немцам тяга к образованию или важным для них было только приобретение профессии, способной стать источником дохода, необходимого для жизни? Если проследить путь нашего народа из Германии после Манифеста Екатерины Великой, то я склоняюсь к тому, что, несмотря на тяжёлое время войн (тридцатилетней и семилетней),

повлекших обнищание и безысходность, всё-таки наши предки выезжали из Европы, уровень науки, техники и производства которой был значительно выше, а значит, и образованность была в почёте.

Приехав на российскую землю, начав обживать её, наши предки одновременно с жильём строили церкви и школы. Значит, всё-таки в каждой семье понимали, что детей следовало бы учить. Так оно обычно и было. Знаю это по семье моей мамы – Шпехт. Её отец, мой дедушка Иоганнес Шпехт, был шульмайстером. Он специально выезжал в Саратов учиться русскому языку, чтобы потом преподавать его детям в Зеельманне. Мама моя тоже была грамотной женщиной. Она легко читала на староготическом немецком, что позволяло ей и нас обучать чтению. Приехав в Германию уже в пожилом возрасте, освоила и современный немецкий. Красноречив тот факт, что Республика немцев Поволжья, просуществовавшая до рокового 1941, была, наверное, единственной в Союзе, где не просто ликвидировали неграмотность, но и добились более высокого, чем где-либо, уровня образованности. Это тоже свидетельствует о тяге российских немцев к учению. Да, российские немцы стремились к знаниям – только вот много препятствий стояло на пути их просвещения...

Непростыми были и мои школьные годы. Тогда в семье моих родителей была одна цель – как бы выжить, сохранить детей. То был период нашей жизни в глухих местах Сибири, куда нас выдворили после 1945 из поверженной Германии.

Пошёл я в школу, когда мне не исполнилось ещё и семи лет. Вышло так потому, что я родился 12 ноября 1940 года, а учебный год в СССР начинается 1 сентября. Осенью 1947 сразу три ребёнка из нашей семьи сели за парты в первый класс: моя сестра Аня (род. 1936), брат Адольф (род. 1938) и я. Брату и сестре было, соответственно, 11 и 9 лет. Замечу, что такое явление в то время было нередким: шла война, и многие дети не могли учиться. Не были исключением и брат с сестрой – мы скитались, не имели постоянного места жительства.

К началу школьной жизни мы оказались в деревне Пролетарка, Тайшетского района, Иркутской области. Вот куда занесла нас судьба! Школы в деревнях тогда были малокомплектные, а потому наша первая учительница вела все 4 класса одна. Имени её я уже не помню, но помню её прозвище. Звали мы её за глаза «Верёвка» – не знаю, почему. Может, за то, что была она рослая и худая. Прозвали её так не мы, а кто-то задолго до нас.

Учительница наша носила очки, была очень строгой, серьёзной, часто сердитой. Мы её боялись: тому, кто приходил на урок неподготовленным, спуску не было. Дети в школе в основном были нерусские, не всегда правильно понимали её; «Верёвку» это доводило до бешенства. В гневе она посылала нас за родителями. То, что они не всегда могли прийти, так как работали от темна до темна, в расчёт не принималось. Нашей маме тоже пришлось как-то раз прийти к учительнице по вызову. Надо сказать, что Адольф бывал порою неряшлив. Однажды он оказался на уроке, после перемены, испачканным, с рубашкой, не заправленной в штанишки. Ну и что? Мама пришла, выслушала учительницу, сказала ей: «Не понимайт», развернулась – и ушла домой. Больше та маму не вызывала. Мы втроём понимали учительницу лучше других, так как наши старшие братья учились в Минске в белорусской школе и нам приходилось часто слышать славянскую речь, когда им хотелось скрыть от нас, малышей, какой-то секрет. А мама очень плохо понимала по-русски.

Школа находилась почти в конце деревни. Напротив школы жила немецкая семья Шванкер. У них было двое детей – девочка и мальчик, наверное, мой ровесник, отец его подстригал детей в деревне, поэтому жили они немного лучше остальных. Ведь за стрижку расплачивались натуральными продуктами, у кого что было. Так вот, мальчика звали Эмиль. На перемене он бегал домой перекусить. Бывало, придёт из дома и что-то жуёт. Чаще всего это была шкварка от сала. Мы просили его дать и нам пожевать – так голодно было.

Помню, как на Новый, 1948, год устроили в школе утренник. Покормили нас, вручили каждому подарок... Какое это было счастье – покушать настоящего супа и каши! Подарки давали в кулёчках, там было мороженое яблоко, пара конфет, пара грецких орехов, печенье и пряники. Вот это был праздник так праздник! Разве такое можно забыть – ведь мы всё время недоедали (нас, детей, у родителей тогда девять было). А надо было учиться.

В школе был один ученик, литовец, звали его почему-то Наполеон. Он был уже в 4 классе и хорошо читал. Наша учительница, когда ей надо было отлучиться, оставляла его за старшего, и он читал нам какую-нибудь книгу. Помню, как он читал нам вслух «Робинзон Крузо». А мы, разинув рты, внимательно его слушали. Меня Дефо так увлек, что я сказал себе: «Обязательно научусь читать и сам эту книгу прочитаю». По-моему, у меня зародилась тяга к чтению именно тогда, в школе Пролетарки.

Моими первыми школьными друзьями стали Лёня Лайер, Николай Акстманн, Володя Фурман, Лидия Баллах, Егор Клуг. Кроме Володи Фурмана, все были на два года старше меня (1938 года рождения). «Переростки», как и брат с сестрой. Вместе с этими ребятами я заканчивал в 1954 семилетнюю школу в селе Пол-Черемхово. Но всё по порядку.

В первой своей школе я проучился до каникул 1949 года, закончил два класса. Волею наших господ, колхозных председателей, семью отправили сначала на заимку Соломенка того же колхоза, а затем в совсем другой колхоз, в деревню Пишет. Мы ведь были бесправными, нами распоряжались, как своим имуществом, эти господа. Тут, в Пишете, жили мы уже среди русского населения. Немецкой была одна только наша семья. Остальные жители деревни были коренные, чалдоны, когда-то раскулаченные и сосланные сюда, да две семьи литовцев, высланных в 1945 году из Литвы.

Здесь мы втроём с сестрой и братом снова пошли в третий класс. К нашему общему сожалению, Аня с Адольфом смогли здесь, в Пишете, доучиться только до пятого класса; по окончании четырёхлетки им пришлось идти работать. Вот одна из причин, по которой российские немцы оставались даже без школьного образования. Бедность, нехватка рабочих рук в семье, а потому и образование стало российским немцам недоступно, чего, собственно, государство и добивалось.

Учились мы, все трое, хорошо. Мария Ивановна, наша учительница, часто ставила нас в пример, прощала, что не всегда одеты по форме. Она ведь знала наше семейное положение. Мария Ивановна, как и «Веревка», носила очки, но в отличие от той была очень добрым, ласковым и понимающим человеком. Настоящей мамой для нас, школьников. Мы к ней тоже относились с уважением, с любовью и прилежно учились, слушались её во всём. От учительницы не укрылось, что мы с Адольфом имели на двоих одну пару ботинок; один обует их сегодня, а другой наденет калоши с портянками, а назавтра меняемся, чтобы не обидно было. Одежонка старая была, вся в заплатках, но всегда чистенькая. Наша мама за этим строго следила. Мы ложимся спать, а мама всё постирает и к утру высушит возле печки-буржуйки. Зимой носили большие резиновые сапоги с портянками. Валенки не на что было купить. Как же маме моей горько было за нищенскую долю её детей! Ведь у неё в памяти остались воспоминания о прежней жизни. И своим детям она хотела такого же детства, как её собственное. Но изменить их доли не могла.

А память всё ведёт меня за собой во времени, дальше, дальше... Я вспоминаю свою школу и жизнь в ней. Школа была построена посреди деревни; мы жили неподалеку. Обычный дом с одним помещением. Стояли 10 парт в два ряда, по 5 парт в каждом. Первоклашка мог сидеть рядом с третьеклассником, а за его спиной мирно соседствовали ученики 4 и 2 класса. Никто не мог подсматривать, все учились и готовились к уроку основательно, со всем старанием. Мы уважали нашу учительницу и поэтому учились добросовестно.

Здесь, в Пишетской школе, были у меня уже другие друзья. Ёнас и Антанас Гудас, трое сестёр Юргайтите – дети сосланных литовцев. Володя Бедулин и Володя Бородин – мои лучшие друзья и одноклассники, Тамара Журавлёва и Саша Евстигнеев. Всех помню, как будто только вчера это было. Саша (мы звали его Шура) Евстигнеев родился в 1938, как и мой брат Адольф, и он с ним очень сдружился. Отец Шуры держал в деревне пасеку и иногда давал мёд Адольфу – для всей семьи. В начале нашей жизни в этой деревне люди относились к нам недружелюбно, даже враждебно, но по мере развития отношений с ними и их детьми, они поняли, что мы не те немцы, которые на войне убивали их отцов или братьев. Мы сами – жертвы войны, сами страдалцы. Как только это было осознано, отношение к нам изменилось в лучшую сторону. А когда узнали, что наши предки уже при царской власти здесь обосновались и большую пользу государству приносили, то с недоумением задавали вопросы: «А за что же вас сюда-то сослали?» Узнав, за что, родители наших друзей нас жалели и иногда давали нам что-нибудь съедобное с собой домой. Увы, такими были не все.

А я продолжу своё повествование о школе, в которой учился. В углу комнаты-класса стояла этажерка с книгами, это была наша библиотека. Всю её я перечитал. Чтение стало моим любимым занятием. Позже, уже в Пол-Черемхово, где у нас была уже настоящая библиотека; я и там брал книги для чтения. В школе любил стихи читать, особенно Пушкина, Лермонтова, басни Крылова. До сих пор знаю ещё много стихов и басен наизусть. Очень любил русский язык, литературу, историю и географию. А вот арифметика, ботаника, геометрия и физика меня особо не трогали, а потому по этим предметам встречались и тройки.

Закончили мы четвёртый класс, и Адольф с Аней распрощались со школой. А я пошёл в пятый класс в семилетнюю школу в Пол-Черемхово. Там находилась администрация колхоза. Школа располагалась посреди села и имела приусадебный участок, на котором мы проводили опыты по

ботанике, каждый класс на своём участке. При школе был и домик, в котором приютили нас, детей из близлежащих школ, – наш интернат. Деревня, где жила наша семья и семьи Антона Гудаса, Володи Бедулина, Володи Бородина и Тамары Журавлёвой, находилась в 10 км от школы. Мы жили в интернате всю неделю, а в субботу после школы уходили домой.

Здесь же, в интернате, жили и мои бывшие одноклассники из деревни Пролетарка – Николай Акстманн (1938 г. р.), Лидия Баллах и Володя Фурман (1940 г. р.). Им, жившим в Пролетарке, было на 5 км дальше от школы до дома, чем мне.

Из заимки Соломенка жили в интернате тоже мои бывшие одноклассники – Лёня и Эмма Лайеры (он – 1938, она – 1936 г.р.) и Егор Клуг (1938 г.р.). Им надо было преодолевать 25 км, и поэтому они попадали домой только на каникулы. Всё остальное время ребята жили в интернате или иногда гостевали у нас в Пишете. Ведь мы знали друг друга с 1945 года. Большая часть моих друзей была немцами. Видно, такая судьба не только нам досталась; обездоленных в нашем окружении было достаточно.

Эмма Лайер приходила в Пишет и по другой причине. Отец наш хотел сосватать её за моего брат Ивана (1933 г.р.), но, к сожалению, что-то не сработало; причина мне не известна. Возможно, не разрешила комендатура, тогда ведь требовалось разрешение коменданта на женитьбу. Как при крепостном праве до 1861 года.

Летом домой ходить было романтично и весело, а вот зимой – страшно и опасно. Рано темнеет, холодно, того и гляди нос, пальцы рук, ног или уши отморозишь. Егор Клуг сильно обморозился, идя домой на новогодние каникулы. Обморозил себе пальцы рук и ног, щёки, нос... Дело в том, что никакой боли при обморожении не чувствуешь, только обмороженное место начинает белеть, и рядом идущий это видит. Вот мы, если шли куда-нибудь, и смотрели друг на друга во все глаза или поминутно спрашивали: «У меня не белый нос?» Если щёки или нос начинают белеть, то трёшь ладошкой то место, пока не покраснеет. Страшно было и из-за волков. Раз волки напали на ребят из хутора Соломенки; хорошо, что были они втроём и случилось это ещё днём, когда светло. Поэтому мы никогда не шли домой в одиночку или вдвоем, а всегда целой ватагой. И на нас нападали волки; к счастью, нас было много и мы криком, свистом (а свистеть в деревне каждый умел) и палками отбились.

Какие же приходилось нам в детстве преодолевать трудности и тяготы! Разумеется, они касались не только нас, детей немцев, но и других. Но только мы не принадлежали себе, только мы жили не там, где хотели. За что я Бога благодарю, когда молюсь, так это за то, что у нас родителей не отняли, не отправили их в трудармию. Иначе погибли бы, семьи бы не стало...

Учился я всегда хорошо, если бы не математика, то был бы отличником.

Директор школы, Михаил Фёдорович (забыл его фамилию), преподавал нам историю, а иной раз и географию. Математике учил нас завуч, Антон Иванович Буер, немец. Оба сильно курили; я сидел всегда за первой партой, так после перемены дышать было нечем. Учительницей русского языка и литературы была Лидия Ильинична (и её фамилию я запомнил). Мы её очень любили, может, потому по её предметам у меня всегда были хорошие отметки. Она была и нашей классной руководительницей. После она вышла замуж за Антона Ивановича Буера, и когда она в больнице рожала, мы всем классом ходили её поздравлять.

Нам, интернатским, давали дополнительную нагрузку – полоть приусадебный участок, за это мы имели право пользоваться его дарами – овощами. Пищу себе готовили сами. Готовить было особенно не из чего, как в известной частушке – «Меня тёща угощала // Переменной пищей: // Утром – чай, в обед – чаёк, // Вечером – чаище». Так «угощались» и мы – с той лишь поправкой, что основным блюдом была картошка. Картошка в мундире, картошка толчёная, картошка чищенная с солью (Salzkartoffeln)... Хлеб, соль, лук, иногда – комбижир. Вот и весь рацион. Голодно было.

Каждый год я переходил в следующий класс, а в то время обязательные переводные экзамены начинались с 4 класса. Сдавал я их всегда успешно.

Но вот наступил 1954 год. Я закончил 7 классов Пол-Черемховской семилетней школы. И началась моя трудовая жизнь. А было-то мне всего 14 лет. Уже потом, будучи женатым, пошел я учиться дальше – сначала в вечерний техникум во Фрунзе, а затем на заочное отделение политехникума в Таллинне, на факультет ПГС – промышленного и гражданского строительства.

Таким было короткое школьное детство российского немца в Советском Союзе. Остальные мои братья и сёстры оказались в ещё более худшем положении. Их школьные годы опалены войной, скитанием нашей семьи, постоянной нуждой и необходимостью зарабатывать на кусок хлеба. Но

жизнь уже почти прожита, назад её не вернёшь, только иногда, сидя вечером, вспомнится какой-нибудь эпизод и становится так грустно...

Но надо жить дальше.

Эпилог

Как же сложилась судьба моих друзей детства и школьных лет?

После школы, к сожалению, каждый был занят своими делами, да и Интернета в то время не было. Писать письма было тоже непросто: недостаток времени, нехватка бумаги, да почта была ненадёжная. Письма не доходили до адресата. Телефона тоже не было. Так и жили, погрузившись в свои дела; связь прервалась. Брат мой Александр жил в Соломенке, через него-то и узнавали новости. Эмма Лайер вышла замуж за русского парня – Сергея Корчагина – и переехала в другую деревню. Лёня, её брат, с матерью и старшей сестрой Бертой Венц после 1956 года оказался на Алтае. Куда отправились после освобождения от спецпоселения семьи Баллах и Фурман, я не знаю.

Девятого апреля 1961 года я с молодой своей семьёй переехал во Фрунзе, а где-то через пару месяцев прочитал в газете «Советская Киргизия» статью, в которой говорилось, что молодой врач Николай Акстманн спас молодую женщину. Я позвонил в редакцию газеты и узнал адрес героя очерка. Мы встретились и с тех пор уже не теряли друг друга из виду. Что парадоксально – в детские и юношеские годы Николай панически боялся крови. Бывало, порежется слегка или поцарапается – и несётся к матери со всех ног, орёт на всю деревню, как резаный поросёнок. Вот и пойми этих врачей; мы часто с ним об этом говорили. Ныне мой друг с семьёй живет в Германии в городе Дюрен (Нордрайн Вестфален). Имел там частную практику, а сейчас на пенсии.

Лёня и Эмма Лайер с семьями тоже переехали в Киргизию. Сейчас живут также в Германии, земля Баден-Вюртенберг.

Егор Клуг с семьёй оказался в Молдавии, оттуда перебрался в Германию, в Падеборн (Нордрайн Вестфалия). К сожалению, не удалось мне с ним там свидеться. Его уже нет среди нас; Царствие ему Небесное. Осталась в Падеборне его семья, сын Георг.

Про друзей своих из Пролетарки, Володю Фурмана и Лидию Баллах, я, к сожалению, ничего не знаю.

Германия, Вормс

24 августа 2013 года